

Раздел III. Языковое сознание: социокультурный и личностный аспекты

М.В. Заболотнова
Челябинск

К вопросу о гендерных различиях в языке

Гендер, или социокультурный пол человека, – это совокупность социальных ожиданий и норм, ценностей и реакций. Он формируется отдельными чертами личности. В патриархальной гетеросексуальной культуре гендер тесно привязан к биологическим и анатомическим признакам человека и приобретает характер нормативности.

Важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играет сознание людей. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний, за нарушение которых общество наказывает людей.

Часто формы языка, употребляемые мужчинами и женщинами, легко различимы. Например, японцы и японки употребляют различные слова для выражения одних и тех же понятий.

Маскулинная форма	Феминная форма	Значение
hara	onaka	желудок
mizu	ohiya	вода
bentoo	obentoo	еда в дорогу
kane	okane	деньги
hasi	ohasi	палочки для еды
umai	oisii	вкусный
kuu	taberu	есть
kutabaru/sinu	nakanaru	умирать

Не случаен тот факт, что все традиционно феминные существительные имеют префикс вежливости *o-*. Это один из тех слу-

чаев, которые характеризуют японскую женскую речь как более вежливую, чем мужская японская речь. Впрочем, в речи современных молодых японок проявляется тенденция к игнорированию традиционно специфически женских форм.

Наиболее эффективными при проведении гендерных исследований в языке представляются статистический анализ (отношение коэффициента внутригрупповой корреляции к коэффициенту внегрупповой корреляции) и анализ экспертных оценок.

Правомерно говорить об определенных особенностях речевого стиля мужчин и женщин, который проявляется на двух уровнях, называемых *симптомами первого и второго порядка*. К симптомам первого порядка относятся признаки, обнаруживаемые более четко. Они могут быть замечены непосредственно в период речевого общения: перебивания, длительность речевого периода, категоричность высказывания и связанные с ней предпочтения в выборе типа речевого акта, управление тематикой диалога и т.д. К симптомам второго порядка относятся особенности речи, для выявления которых требуется специальная статистическая процедура: частотность употребления определенных частей речи, частиц, синтаксических конструкций.

В связи с тем, что данные, получаемые в различных исследованиях, весьма противоречивы, можно говорить о совершенствовании исследовательских методик, и о наложении ряда параметров, что и является причиной различного речевого поведения мужчин и женщин. К таким параметрам относятся: возраст, уровень образования, социальный статус, ситуация общения и другие. Следует также обратить внимание на тот факт, что, если авторы, исследующие мужскую и женскую речь, пользуются словами *мужчины* и *женщины*, то приписываемые лицам того или иного пола речевые особенности воспринимаются как природно обусловленные.

Представляются интересными гендерно ориентированные исследования фразеологических единиц русского языка. Большая часть фразеологизмов не различается по полу, она отражает не номинацию лиц, а номинацию действий (*попасть под руку*). Значительная их часть основана на телесной метафоре (по Лаккоффу) – *встать с левой ноги, попасть под руку, сложить голову* и т.п. То есть их внутренняя форма приложима ко всем ли-

цам, независимо от пола. Все люди могут *петь дифирамбы, чесать язык, не выйти рылом*. Часть фразеологизмов относится только к мужчинам: *шут гороховый, рыцарь без страха и упрека, разбойник с большой дороги, мышинный жеребчик*. К этой же группе относятся единицы, приложимые к референтам-мужчинам или женщинам, но имеющие конкретные прообразы: *мафусаиловы года, каинова печать* (библейские), *Демьянова уха, Мамай прошел, Маланьина свадьба* (литературные и исторические); единицы, имеющие только женских референтов: *отдать руку и сердце, подруга жизни, талия в рюмочку*. В эту группу входят также фразеологизмы, которые отсылают к особенностям жизни женщин *разрешиться от бремени, на сносях*, но могут быть, тем не менее, применимы и к мужчинам: *Ты защитился? – Нет, но уже на сносях*. С другой стороны, фразеологизмы, которые по внутренней форме могут быть соотнесены с мужской деятельностью, не исключают и женского референта: *бряцать оружием, бросить перчатку, с открытым забралом*. Существует группа фразеологизмов, где есть парные соответствия: *соломенная вдова – соломенный вдовец, в костюме Адама – в костюме Евы* или *В костюме Адама и Евы*. Выделяется также группа, где внутренняя форма отсылает к женскому референту, но само выражение применимо ко всем лицам: *базарная баба, кисейная барышня, бабушкины сказки, но: христова невеста*. В последней группе можно наблюдать в основном отрицательно коннотированные именованья женщин, что позволяет говорить о гендерной асимметрии.

Вопрос о преимущественно отрицательной коннотации в номинациях с женскими референтами представляется несколько спорным. Одиночные примеры в этом отношении не показательны. Следует рассматривать большие массивы данных, причем рассматривать не изолированно, а в сопоставлении с мужскими номинациями. Наряду с выражениями *чертова перечница, синий чулок, кисейная барышня, старая дева, трепать юбки, базарная баба* присутствуют также *подруга/спутница жизни* и ряд нейтральных выражений. Мужские именованья также содержат как положительно, так и отрицательно коннотированные единицы: *разбойник с большой дороги, пень березовый, Иван, родства не помнящий, олух царя небесного, шут гороховый,*

жеребьячья порода – сильный пол, малый не промах, мастер золотые руки.

Количество отрицательно коннотированных единиц больше и в мужской, и в женской группе. Этот факт следует соотносить не с полом референта, а с общей закономерностью фразеологии: отрицательно коннотированных единиц в целом больше по всему фразеологическому полю. Во фразеологической оппозиции "положительное"/"отрицательное" маркирован последний член оппозиции, то есть наличие чего-либо положительного рассматривается как норма и потому упоминается значительно реже.

Кроме того, как уже говорилось, целый ряд единиц одинаково применим как к мужчинам, так и к женщинам: *дубина сторосовая, шишка на ровном месте, родная кровь.*

К признакам андроцентричности можно отнести употребление отрицательно коннотированных единиц с «женской внутренней формой» для называния мужчин (*базарная баба*) и использование положительно коннотированных единиц с «мужской внутренней формой» (*свой парень*) – по отношению к женщинам. Однако таких употреблений немного.

Гендерная асимметрия проявляется в метафоризации типично мужской деятельности: *бряцать оружием, держать порох сухим.*

При рассмотрении мужского и женского речевого поведения, необходимо отметить, что любая говорящая личность испытывает влияние ряда факторов. Так, Л.В.Кириллина приходит к следующим выводам (подчеркнув, что они являются результатом отдельных, первоначальных наблюдений, требующих дальнейшей разработки): женщинам более свойственны фатические речевые акты; они легче переключаются, "меняют" роли при акте коммуникации. Мужчины переключаются тяжелее, проявляя некоторую "психологическую глухоту", увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики, с ней не связанные [Кириллина 1997: 15-20]. В качестве аргументов женщины чаще приводят примеры конкретных случаев из личного опыта или ближайшего окружения. Нередко отмечается так называемая полифония разговора, с одной стороны, и более частое перебивание женщин мужчинами – с другой. При этом перебивания мужчин мужчинами в большей степени мешают коммуникации.

В мужской речи отмечаются также терминологичность, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора "профессия", большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, особенно стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи. Ненормативную лексику используют в однополых группах и мужчины, и женщины. Однако произносить ее в смешанных группах не принято.

К типичным чертам женской речи авторы относят гиперболизированную экспрессивность (*жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов*) и более частое использование междометий типа *ой!*

Ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин). С другой стороны, это утверждение порою признается односторонним и требующим дополнительных подтверждений опытным путем. В пользу неоднозначности утверждения об ассоциативных полях приводится научная сфера деятельности, где, как показывает опыт, ассоциации женщин близки к ассоциациям мужчин.

Женская речь обнаруживает большую концентрацию эмоционально-оценочной лексики, а в мужской оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. В речи женщин обнаруживается тенденция к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины более выразительно используют отрицательную оценку, включая стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы.

Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу. Были установлены, например, некоторые отличительные черты женского речевого поведения [Германова 1996: 105-118]:

- женщины чаще прибегают к уменьшительным суффиксам;
- для женщин более типичны косвенные речевые акты; в их речи больше форм вежливости и смягчения, например, утверждений в форме вопросов, иллюзии неуверенности при отсутствии самой неуверенности;

- в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника;

В целом речевое поведение женщин характеризуется как более "гуманное". Однако именно этот факт, на взгляд представителей феминистской лингвистики, имеет при общении в смешанных группах отрицательные последствия для женщин. Их предупредительное, неагрессивное и вежливое речевое поведение укрепляет сложившиеся в обществе пресуппозиции и ожидания того, что женщины слабее, неувереннее и вообще менее компетентны.

Таким образом, важность исследования особенностей языка, его выразительных средств для концепта пола и связанных с ним семантических областей чрезвычайно важна. Вопросы взаимосвязи языка и пола его носителей (как и вообще значимость пола как фактора в процессе социализации личности) обсуждаются давно. При этом бурное развитие гендерных исследований на Западе совпало по времени с формированием новой философии науки – в первую очередь благодаря идеологии постмодернизма, а также поиску новой эпистемы в самой лингвистике.

Принципиально новое внесли в теорию познания те тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернизм: постструктурализм, деконструктивизм, постмарксизм и некоторые течения феминизма. Во многих отношениях различия между ними перевешивают сходства, но при этом у них есть общие черты, которые и могут быть определены как постмодернистские [Ильин 1996: 273].

Во-первых, все названные течения отрицают устойчивые эпистемологические основы, неоспоримые теоретические предпосылки и закономерности. Их объединяет недоверие к абсолютным или универсальным нормам и всеобъемлющим теоретическим системам, отход от картезианской логики.

Во-вторых, они ставят под сомнение идею рационального, единого субъекта, которая была основой западной мысли с эпохи Просвещения, предпочитая рассматривать субъект как социальное и лингвистически фрагментированный.

В-третьих, будучи приверженными плюрализму, фрагментарности и неопределенности, представители этих течений отвергают положение о социальной целостности, как и понятие причинности.

Все направления постмодернистской мысли признают языковую концепцию реальности, видя в том, что мы воспринимаем как реальность, социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы. «Мир, – утверждают они, – познаваем только через языковые формы, следовательно, наши представления о нем не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка. Эти представления могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями». Иначе говоря, язык отделен от контактов с внешними обозначениями.

Таким образом доказывается зависимость сознания индивида от стереотипов языка. Предполагается, что в сознании каждого запечатлена некоторая совокупность текстов, которые определяют отношение человека к действительности, его поведение и опосредуются дискурсивной практикой. Вследствие этого языку придается исключительно важное значение, а лингвистика становится одной из центральных наук. Если сознание индивида уподоблено тексту, человек как субъект «растворяется в текстах-сознаниях, составляющих великий интертекст культурной традиции» [Ильин 1996: 225].

Благодаря воздействию феминизма существенное место в идеологии постмодернизма занимают вопросы пола. Пол и возраст – те сущностные категории, на которых базируется экзистенциальный статус личности. Так, согласно идее Ж. Дерриды, система ценностей и взгляд на мир формируются с позиции «европейских белых мужчин». Иными словами, все сознание современного человека, независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с ее приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объектности женщины. Распространению этой идеи способствовала и известная книга С. де Бовуар «Второй пол», а также «Воля к знанию» М. Фуко, задуманная как первый том «Истории сексуальности» и показавшая, как социальное доминирует над биологическим даже в такой «природно обусловленной» сфере, как отношения полов. Вслед за де Бовуар Фуко показал, что уже в древности

сексуальная мораль – это мораль мужчин: «мораль продуманная, написанная и преподаваемая мужчинами и к мужчинам обращенная» [Фуко 1996: 294]. Феминисты выдвинули тезис о господстве в обществе патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархатные, т.е. мужские, ценности.

В зарубежной лингвистике оформилось гендерологическое направление, изучающее, с одной стороны, зафиксированные в языке стереотипы феминности и маскулинности, а также гендерные асимметрии, а с другой – особенности речевого поведения мужчин и женщин.

Гендерной лингвистике предшествовала феминистская и по сей день продолжающая существовать критика языка, или феминистская лингвистика (ФЛ). Выявленные ФЛ закономерности доказывают наличие в языковой системе «антиженской» асимметрии. Такой вывод интерпретируется с позиций гипотезы лингвистической относительности: язык не только продукт развития общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Исходя из этого, феминистская критика языка настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику вполне продуктивными факторами, например в политическом дискурсе.

Одна из основных особенностей ФЛ состоит в том, что она очень быстро вышла за рамки «чистой» лингвистики. Выраженная радикальность этого течения в языкознании и желание изменить нормы языка, а по возможности, саму языковую систему, вызвали острую междисциплинарную дискуссию. Возникновение гендерных исследований, а также весьма самостоятельного нового направления – изучения маскулинности – во многом обусловлено именно этой полемикой.

Теперь обратимся к ситуации, которая сложилась в России. По мнению П. Серию, «в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции» [цит. по: Кубрякова 1995: 168]. Этот тезис имеет самое существенное значение для понимания

того, как идет становление гендерных исследований в нашей стране. Наше языкознание само находится в процессе осмысления своих задач и перспектив. Оно характеризуется утратой четких критериев и границ. При всем разнообразии ситуаций в современной российской лингвистике выделяются четыре принципиальные общие установки:

- «экспансионизм (размывание границ, расширение пределов, выход в смежные области);
- антропоцентризм (обращенность к проблеме «человек в языке»);
- неофункциональность (рассмотрение языка как деятельности, т.е. изучение его употребления);
- экспланаторность (объяснительность)» [Кубрякова 1995: 204].

Очевидно, что эти факторы соответствуют общемировым тенденциям. Тем не менее, западные лингвисты, особенно представители ФЛ, нередко критикуют русистов за недостаточное внимание к гендерным вопросам или патриархатный подход к их тематизации.

Ряд вопросов, например соотношение категории грамматического рода и экстралингвистической категории «пол», рассматривался в российской лингвистике в рамках других дисциплин, в частности, морфологии, грамматики, лексикологии, еще до того, как на Западе сформировалась феминистская концепция языка. Многие из того, что требовали феминисты, – изменение в официальном письме форм обращения, реферирование не только к мужчинам, но и к женщинам, и т.п. – по умолчанию присутствовало в русском узусе: тетрадь ученика (-цы), родился (-лась) и т.д. Важно при этом отметить, что феминистский дискурс в российской лингвистике отсутствовал. Подчеркнем, что этот факт не означает отсутствия внимания к феноменам языка, непосредственно или опосредованно связанных с полом. Возможно, корректнее было бы говорить не об отсутствии интереса к проблематике, а об отсутствии соответствующей дискурсивной практики. Выделение пола в качестве специального предмета обсуждения действительно менее свойственно русской научной традиции, нежели западной. Как убедительно показал Фуко, проблематизация пола имеет в западной культуре глубокие кор-

ни и предстает как историческая совокупность различных знаний, институций и соответствующих практик, которые устанавливают обязательные для всех правила, границы и пределы. Таким образом, в основе изучения всех проявлений пола лежит исторически своеобразная форма опыта в отношении как конкретной личности, так и научного дискурса. Да и сами понятия «мужественность» и «женственность» при всей их общечеловеческой универсальности имеют определенную национально-культурную специфику. Обнаружение и описание этой специфики - одна из актуальных задач гендерной лингвистики.

Хотя современной лингвистике свойственна экспланаторность, а не дескрипция, начинать надо именно со сбора и описания фактов, так как такая база практически полностью отсутствует. Необходимо и обобщение результатов работ зарубежных исследователей. На сегодняшний день в российской лингвистике есть ряд кратких обзоров, но еще не создан ни один монографический системный обзор. За рубежом разработан ряд продуктивных методик, которые могут быть апробированы на материале русского языка и послужить развитию собственной методической базы. Но, чтобы это произошло, надо создавать широкие обзорные труды, знакомящие российских лингвистов с результатами и методами зарубежных исследований.

Совершенно необходимо исследование не только речевого поведения мужчин и женщин, но и самой системы русского языка на предмет возможностей, которыми она на каждом из своих уровней располагает для выражения феминности и маскулинности.

Продолжением научных изысканий в области языка могли бы стать сопоставительные исследования на материале двух или нескольких языков с целью выявить, сколь сильны в них гендерные асимметрии. Так, нами планируется исследование на материале русского и японского языков.

Необходимо исследование письменного и устного речевого поведения мужчин и женщин с позиций интеракционизма и теории речевых актов, т.е. целей высказывания, стратегии и тактик речевого поведения. При разработке этого направления изучаются не только различия в вербальном поведении лиц разного пола, но и особенности лиц одного и того же пола (множествен-

ность пола). Нужны также исследования гендерной доминантности в общении, т.е. предоставления слова, возможности довести высказывание до конца, частоты перебивания говорящими друг друга и т.д. Такие исследования чрезвычайно важны еще и потому, что в них можно прогнозировать расхождение с уже полученными результатами.

Дело в том, что воспринимаемые до недавнего времени как универсальные принцип кооперации Грайса и принцип вежливости Гофмана и Лича, в соответствии с которыми описывается коммуникация в западной культуре, реализуются у нас несколько иначе. Именно этот факт, возможно, оказывает влияние на гендерные аспекты коммуникации.

Зарубежные исследования показали, что в качестве теоретической базы лингвистической гендерологии оправдывают себя концепции гендеризма (Э.Гофман) и власти (М.Фуко), а также концепция культурной обусловленности полоролевой дифференциации общества (М.Мид). Изучение различных культур показало ошибочность объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом. Поведенческие черты, которые проявляют мужчины или женщины в одной культуре, могут считаться неженственными и немужественными в другой.

По мнению Л.В. Кириллиной [Кириллина 1998: 16], во всех культурах соблюдаются различия между полами, и, как только ту или иную черту поведения начинают ассоциировать с определенным полом, от нее стараются избавиться представители другого пола. Именно этот факт лег в основу концепции гендеризма, т.е. культурно и социально обусловленных и воспроизводимых обществом различий в поведении полов. Неравноправный статус полов, в той или иной степени присутствующий в любой постпатриархатной культуре, позволяет и в лингвистическом исследовании опираться на концепцию власти.

Властные отношения и вытекающие из них оценки и определения понятий фиксируются в языке и являются симптомами, анализ которых позволяет установить степень андроцентричности языка. Там, где исследуется коммуникативная интеракция, необходимо применение методик, разработанных социолингвистикой, т.е. методик, основанных на опросе, анкетировании и т.п. большого количества людей. Целый ряд параметров челове-

ческой личности сплавлен так прочно, что трудно на примере малого числа информантов сделать вывод об общих для всех носителей языка закономерностях. В этой связи очень перспективным представляется создание специальных проектов, предполагающих работу группы исследователей и широкий охват материала. Интересные результаты может дать сотрудничество специалистов разного профиля, например лингвистов и юристов.

Кроме того, не только язык опосредует отношение индивида к миру и создает предел познавательной деятельности человека, как это считают постмодернисты, но также и человек воздействует на изменения языка, творчески его развивая. С этой точки зрения перспективно для гендерных исследований изучение коммулятивной функции языка, т.е. фиксации в нем определенных гендерных стереотипов, а также исследование их динамики, отражающей изменения в традиционной полоролевой дифференциации общества. Изучение словообразовательной и номинативной системы языка позволит установить в ней наличие гендерных асимметрий и – шире – культурных стереотипов феминности и маскулинности.

Литература

Германова Н.Н. Повседневное общение и структуры национально-го менталитета: диалог в русской культуре // Сб. научных трудов МГЛУ. – М., 1996.

Кирилина Л.В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX-XXI веков. Материалы межд. научн. конф., 23-24 апреля. – Иваново, 1998.

Кириллина Л.В. Категория «gender» в языкознании // Женщина в российском обществе. – М., 1997.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.

©Заболотнова М.В., 2005